

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

УДК 82.0

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ РОМАНЫ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА «БУРАННЫЙ ПОЛУСТАНОК» И «ПЛАХА»

Силин В. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: marinakravtsova2008@yandex.ru*

Романы Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» и «Плаха» являются диалогическими. Конфликт в них представлен двумя равноправными идеями, противопоставленными в бинарной оппозиции. Этот конфликт выражен имплицитно в двух легендарных сюжетах и проецируется на современные сюжеты романа, способствуя интерпретации его идейного содержания. Конфликт не решается, автор предлагает читателям самостоятельно решить его.

Ключевые слова: диалогизм, бинарная оппозиция, всезнающий, имплицитный повествователь.

Постановка проблемы. Роман «Буранный полустанок» (1974) принес большую известность его автору и сделал популярной легенду о *манкурте*, воспроизведенную в этом произведении. В наше время довольно часто можно услышать идею, выраженную в этом романе, что человек, который пренебрегает культурными традициями своего народа, уподобляется манкурту – рабу, который не узнал собственную мать и потому убил ее по приказу своего злого хозяина. Однако подобная интерпретация романа Айтматова не охватывает всей его идеологии, так как это произведение – *диалогическое*, а потому сложное и идейно неоднозначное. Такой интерпретации противоречит, в частности, другая легенда романа – легенда о народном певце Раймалы-ага, пожилom человеке, который *вопреки* всем традициям безнадежно влюбился в юную красавицу и не желает отказываться от своей любви. Роман «Плаха» (1987) – такой же сложный, как и «Буранный полустанок». Две легенды о Христе, пересказанные и идейно противопоставленные в нем, также способствуют формированию его диалогизма.

Цель исследования. В статье поставлена цель – определить структурные компоненты, формирующие диалогизм романов Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» и «Плаха», для коррекции интерпретации их идейного содержания.

Актуальность и новизна исследования. Актуальность исследования состоит в том, что романы Айтматова еще не рассматривались в диалогическом аспекте; новизна заключается в диалогической интерпретации их идейного содержания, исключающей однозначные монологические выводы.

Анализ публикаций. При анализе текстов романов «Буранный полустанок» и «Плаха» использовались работы, характеризующие основные компоненты поэтики,

образующей диалогизм, и прежде всего, книга М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). Анализ текстов этих романов, сделанный Г.Д. Гачевым, выбран как типичный образец монологической интерпретации для его сопоставления с предлагаемой диалогической интерпретацией.

Основной материал. Роман «Буранный полустанок» можно разделить на две разножанровые истории. В центральной, *реалистической*, основной сюжетной линией является поездка Едигея, главного героя романа, на старинное кладбище Ана-Бейит. Вместе с другими людьми он везет хоронить Казангапа – старика, с которым долгие годы проработал на железнодорожном полустанке Боранлы – Буранным, находящемся посредине пустыни Сары-Озек. Сюжетная линия пунктирна, так как она прерывается повествованием об основных событиях жизни Едигея на этом полустанке. Происходящие события показывают, что, проживая в малонаселенном изолированном месте, он плохо представляет себе внешний мир. Эта мысль подчеркивается автором в виде повторяющегося, как рефрен, образа проносащихся мимо полустанка пассажирских поездов, за окнами которых существует огромный мир и иная, незнакомая ему жизнь. Мир, находящийся за пределами полустанка, кажется Едигею непостижимым, и это лучше всего выражено в образе космодрома, секретного охраняемого объекта, на территории которого оказалось древнее кладбище, доступ к которому запрещен. Более того, внешний мир кажется ему враждебным, что представлено в появлении на полустанке сотрудников НКВД, которые арестовали по ложному доносу его соседа Абдулатипа, доброго человека и хорошего семьянина. Этот человек умер вскоре после ареста только потому, что его сердце не вынесло разлуки с семьей. Будучи неспособным объяснить себе жизнь внешнего мира, Едигей отгораживается от него. Это проявляется в том, что он стремится найти моральную опору в народных традициях: он хоронит соседа по мусульманскому обряду, хотя с трудом вспоминает молитвы, и интересуется легендами своего народа. Такое явление называют возвращением «к истокам» или «к своим корням».

Вторая история, которая также проходит пунктирной линией через весь роман, представлена в форме *фантастического* произведения. Речь в ней идет о том, что советские и американские космонавты, которые находятся на космической станции «Паритет», вступили в контакт с некоей внеземной цивилизацией и даже посетили планету, находящуюся в иной галактике. От инопланетян они узнали, что Земле грозит большая катастрофа – эрозия планеты, и хотят сообщить об этом своему руководству. Но государственные руководители СССР и США отказались от сотрудничества с инопланетной цивилизацией и отгородились от нее щитом из ракет, принеся в жертву космонавтов, которым не суждено больше вернуться на Землю. Такой поступок руководства двух государств был оправдан страхом перед неизвестностью, страхом перед возможной гибелью земной цивилизации в результате межпланетных контактов.

Кроме двух историй, в романе изложены также *две легенды*, одна из которых объясняет происхождение кладбища Ана-Бейит. В ней рассказывается об одном манкурте – так называли в древности пленников, которых жестокие жуаньжуани, легендарный кочевой народ, подвергали чудовищной пытке. Им обривали голову и одевали на голову шири, выйную часть шкуры забитого верблюда, которая прили-

пала к голове, как пластырь. Затем им одевали деревянную шейную колодку, чтобы было невозможно содрать ширию о землю, связывали руки и ноги и оставляли в степи. Высыхающий на солнце пластырь, как обруч, так сильно сжимал их голову, что большинство пленников умирали. Но те, кто выживал, теряли рассудок и становились манкуртами, то есть людьми без памяти и послушными рабами, которые обычно использовались в качестве пастухов. Герой легенды, насильно лишенный человеческой памяти и превращенный фактически в животное, по приказу хозяина убивает Найман-Ана, собственную мать, которая многие годы разыскивала его. Место, где ее похоронили, стало кладбищем Ана-Бейит – Материнский Упокой.

Вторая легенда – это рассказ о народном певце (жырау) Раймалы-ага, который, будучи уже старым человеком, полюбил девушку по имени Бегимай. Легенда эта также трагична, потому что общество, и его брат Абдильхан в том числе, осудило его, поскольку такая любовь противоречила народным обычаям. И чтобы Раймалы-ага не смог встретиться с Бегимай, брат убил его коня, а люди объявили сумасшедшим и привязали к березе. Несчастному влюбленному, привязанному к дереву, оставалась только одна возможность – слагать и петь песню о своей любви. Легенду эту рассказал Казангап, и предназначена она была Едигею, который был влюблен в Зарипу, жену Абдулатипа. Подобно легендарному певцу, он порывался уехать вслед за ней, когда она покидала полустанок после смерти мужа, но так и не решился.

Монологическая интерпретация романа, а именно поиски *положительной* однозначной идеи, обычно ориентируется на мировосприятие Едигея, и приводит исследователей к выводу, что Айтматов призывает этого героя не забывать народную культуру, его обычаи и традиции. Эта идея очевидна, так как автор сам изложил ее в предисловии романа. «Человек без памяти прошлого, - писал он, - поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем» [1, с.2]. Однако исследователи не обращают внимание на то, что подобная трактовка не согласуется с фантастической историей романа, о которой Едигей не имеет никакого представления. Дело в том, что в ней отсутствуют герои, которые, подобно Едигею, ищут пути к истокам национальной культуры. Г.Д. Гачев попытался найти идейное соответствие между двумя сюжетами следующим образом: он заявил, что в «Буранном полустанке» «сюжет человеческий и космический сходятся» и определил это сходство в том, что Едигей основал новое кладбище, а космонавты дерзнули войти в контакт с инопланетянами [3, с.594]. Однако отмеченные Гачевым факты указывают скорее на несходство этих героев: космонавты не испугались выйти навстречу новому, неизвестному, а Едигей боится неизведанности и ищет опоры в прошлом, в древних традициях. И похоронить старика на новом месте ему пришлось потому, что старинное кладбище было закрыто.

Диалогическая интерпретация определяет соответствие двух историй путем сопоставления легендарных сюжетов с реалистическим и фантастическим сюжетами. Легенды, как более древние жанры, иносказательно выражают определенные концепции человеческого поведения, или *архетипы*, а их сопоставление с сюжетами современных сюжетов позволяет выявить всю глубину их идейного содержания. Если сравнить легенду о манкурте с другими историями романа, то можно легко

обнаружить их структурную идентичность: манкурт, изолировавшийся от всех людей, похож на Едигея, отгородившегося от внешнего мира на своем полустанке, и на тех представителей Земли, которые предпочли укрыться от инопланетян за щитом из ракет. Эта структура напоминает *шар*: черепная коробка манкурта, полустанок, окруженный пустыней, земной шар. Идея, полученная от такого сравнения, противоречит распространенной трактовке «Буранного полустанка», потому что она противостоит положительному аспекту возврата к народным истокам как отрицательный факт, как губительная самоизоляция. И образ Едигея приобретает отрицательное значение, так как боязнь неизвестности делает его похожим на манкурта и на политиков из фантастической истории. Как писал Освальд Шпенглер, «все боязливые люди дорожат преданиями. Все социальные предания выражают страх известного сословия перед непредвиденным» [6, с.285]. Эта идея также изложена в предисловии Айтматова, но исследователи не обращают на нее внимание. Представлена она как «парадокс» по отношению к позитивной задаче изучения национального культурного наследия, так как Айтматов пишет, что существует «самодовольный, чванный шовинизм, которому необходимо возводить вокруг себя китайскую стену, ибо только за ней может поддерживаться миф о превосходстве одного народа над всеми другими» [1, с.2].

Если легенда о манкурте служит в романе «Буранный полустанок» выявлению манкуртов в реалистической и фантастической историях, то легенда о Раймалы-ага выявляет их противоположности. Идеиная концепция этой легенды представляет такого безрассудно смелого человека, как певец Раймалы-ага, который презирает любые законы и традиции, которые встают помехой на его пути к счастью. Манкуртами в этой легенде предстают те, кто, прикрываясь обычаями, физически расправляются с ним и разлучают с любимой. Певцу близка по духу Найман-ана, мать манкурта, которая не испугалась смертельной опасности и не отказалась от поисков любимого сына, хотя обычно родственники отказывались от манкуртов, считая их пропащими людьми. Похожа на него Зарипа, любимая женщина Едигея, которая не побоялась покинуть привычную жизнь полустанка и отправилась осваивать новую жизнь в незнакомом мире. Похожи на него космонавты, которые не испугались неизвестности и хотят спасти Землю от катастрофы.

Таким образом, две легенды, изложенные в романе «Буранный полустанок», выражают конфликт двух противопоставленных идей, касающихся отношения людей к своему национальному культурному наследию. Легенда о манкурте утверждает необходимость бережно хранить культурные ценности, чтобы не уподобляться манкурту, забывшему родину и собственную мать. Легенда о влюбленном певце, напротив, говорит о необходимости отказываться от народных традиций, если они ущемляют свободу человека и социальный прогресс. Конфликт идей этих двух древних народных произведений проецируется на сюжеты реалистической и научно-фантастической историй и таким образом служит их интерпретации.

Идеи романа противопоставлены друг другу в *бинарной оппозиции*. Именно такой принцип диалогического противопоставления Бахтин находит у Достоевского, когда отмечает: «Все в его мире живет на самой границе со своей противоположностью. Любовь живет на самой границе с ненавистью, знает и понимает ее, а нена-

висть живет на границе с любовью и также ее понимает» [2, с. 238]. Бинарную оппозицию В.Руднев определяет как «универсальное средство познания мира, которое особенно активно использовалось и, главное, было осознано как таковое в XX веке» [4, с. 50].

Противопоставленные идеи *равноправны*, потому что спорны, так как каждая из них имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. Возвращение к истокам национальной культуры обычно приветствуется, но оно чревато самоизоляцией, развитием шовинизма и социальной отсталостью; отказ от культурных пережитков, которые встают помехой на пути социального и духовного развития, также считается прогрессивным, но может привести к утрате национальной идентичности. Согласно принципу «персонализации идей» диалогической теории Бахтина, «образ идеи неотделим от образа человека – носителя этой идеи» [2, с. 113]. Поэтому диалогизм состоит в равноправном противопоставлении идей и выражающих их «самосознаний»: *«Всепоглощающему сознанию героя автор может противопоставить лишь один объективный мир – мир других равноправных с ним сознаний»* [2, с. 66].

Поскольку в «Бурном полустанке» носителями идей являются не герои произведения, а повествователи, то противопоставленные идеи распределены между *эксплицитным* всезнающим повествователем, который излагает истории и легенды романа «Бурный полустанок», и *имплицитным* повествователем, который выражает иносказательные идеи легенд. В эксплицитном повествовании преобладает точка зрения Едигея, который вспоминает о событиях своей жизни и жизни других обитателей полустанка и который знает легенду о манкурте и легенду о певце. Но, вместе с тем, всезнающий повествователь излагает рассказ о контакте космонавтов с инопланетной цивилизацией, о котором Едигей ничего не знает. Эксплицитное повествование наиболее заметно выражает положительный аспект идеи возврата к истокам, но оно представляет *субъективную* точку зрения Едигея, а отрицательный аспект, заметный в фантастической истории, остается вне внимания. Едигей также не интерпретирует иносказательные идеи легенд, их «тайный» смысл выражает условный, имплицитный повествователь [5]. Этот повествователь указывает на *объективность* конфликта позитивного и негативного в возврате к истокам, способствуя раскрытию этого конфликта в реалистическом и фантастическом сюжетах.

Важным условием диалогизма является *незавершенность* участников подразумеваемого диалога, которая состоит в неизменности их мировоззрения. По этому поводу Бахтин отметил, что «ни в одном из романов Достоевского нет диалектического становления единого духа, вообще нет становления, нет роста совершенно в той же степени, как их нет и в трагедии» [2, с. 35]. В соответствии с принципом «персонализации идей» участники «большого диалога» не отказываются от своих идей, и их конфликт остается *нерешенным*. В «Бурном полустанке» действительно никто из героев реалистической и фантастической историй не меняет мнение, и идейный конфликт не решается. В результате создается особый прагматический эффект: поскольку автор уклоняется от решения конфликта произведения, то задуматься над его решением предлагается читателям. Это не позволяет характеризовать «Бурный полустанок», подобно Гачеву, как «роман-притча», потому что притча – монологический жанр, в котором выражается однозначная иносказательная идея [3, с.591].

В романе «Плаха» Айтматов продолжает эксперимент, начатый в «Буранном полустанке», так как он состоит из двух *реалистических* историй о двух современниках, *фантастической* истории о волках и *двух легенд*. Начинается роман с рассказа об Акбаре, степной волчице с синими глазами, которая обитала вместе со своим волком Ташчайнаром – Камнедробителем в Моюнкумской саванне. Эта история фантастична, так как излагается с точки зрения волчицы, которая как бы обладает человеческими чувствами. Например, она пощадила беззащитного человека, который стал играть с ее волчатами. Но люди оказались более жестокими, чем волки. Чтобы выполнить план по сдаче мяса, они устроили хищническую охоту на сайгаков, используя для этого вертолет, автомобили и современное оружие. Волчата Акбары все погибли: кто под огнем охотников-расстрельщиков, кто под копытами обезумевших сайгаков. Гонимые людьми, Акбара и Ташчайнар навсегда покидают родные Моюнкумы, чтобы поселиться в Прииссыккульском нагорье. Только один человек выступил против истребления животных, за что был связан охотниками и брошен в кузов грузовика на туши расстрелянных сайгаков.

Далее идет рассказ о судьбе этого человека и представлен он в основном с его точки зрения. Сын дьякона, Авдий Каллистратов учился в духовной семинарии, но был изгнан за ересь. После семинарии он поступил на работу в областную комсомольскую газету, и был направлен в командировку в Моюнкумы, чтобы собрать материал о сборщиках анаши, так как проблема распространения наркомании среди молодежи беспокоила общественное мнение. Оказавшись среди «гонцов», которые зарабатывали большие деньги сбором и доставкой анаши, Авдий стал призывать их отказаться от преступной деятельности и покаяться перед Богом и людьми. В ответ на призывы Авдия «гонцы» жестоко избили его и выбросили на ходу из вагона. Авдий мог попросить их вожака спасти его, но не стал делать этого, вспомнив, что «один чудак галлилейский» не попросил пощады и лишился жизни.

За историей об Авдии следует легендарный эпизод, заимствованный из Евангелия, в котором описан допрос Иисуса Христа Понтием Пилатом. Представлен он как видение Авдия, находящегося без сознания, и содержание его несколько изменено. В легенде внимание сконцентрировано на том, что Иисус избит людьми, которые совсем недавно кричали ему «Осанна сыну Давидову!», и на подозрительности Пилата, который не верит в искупительную миссию Христа, считая, что он домогается верховной власти. Интересной в идейном отношении представляется также другая легендарная история, изложенная в виде воспоминания Иисуса об одном событии, которое произошло с ним в детстве. Когда Богородица катала его в лодке по Нилу, и на них напал крокодил, она обратилась к Господу с просьбой спасти ее сына, и лодка сама пристала к берегу. Иисус же не просит о спасении и добровольно идет на смерть, чем удивляет Пилата, который «умывает руки», потому что, по его мнению, Сын Божий сам себе подписал приговор.

Авдий Каллистратов выжил после избиения, его история продолжается и как бы повторяется. Приехав во второй раз в Киргизию, чтобы встретиться с любимой женщиной, он принимает предложение подработать охотой на сайгаков. Когда же он увидел, что охота превратилась в бойню, он стал уговаривать «хунту», как называли себя охотники, прекратить истребление животных. За этот «бунт на корабле»

охотники связали Авдия, истязали его, заставляя отречься от Бога, а затем привязали его к саксаулу, выражая желание распять его, как Христа. Распятый Авдий умер, увидев перед смертью Акбару, которая покидала Моюнкумы, и Акбара узнала в нем того человека, которого она не убила, когда он играл с ее волчатами.

Следующая история начинается вроде бы вне связи с предыдущими, так как она представлена с точки зрения нового персонажа, Базарбая Нойгутова. Это отрицательный персонаж, так как он жадный, завистливый, пьяница и бьет свою жену. Но связь все таки обнаруживается, так как Базарбай похищает четырех волчат из логова Акбары, обосновавшейся на новом месте. Спасаясь от преследования волков, Базарбай скрывается в доме чабана Бостона Уркунчиева. Бостон – хороший специалист, трудолюбивый и добрый человек. Его уважают чабаны, потому что, благодаря его компетенции, они хорошо зарабатывают. Только ленивый и завистливый Базарбай ненавидит его и поэтому отказывается отвезти волчат обратно в логово, несмотря на предупреждения Бостона, что волки будут мстить за похищенное потомство. Так и случилось – волки стали резать овец, нападать на людей. Тогда Бостон устроил засаду и убил Ташчайнара. Но финал истории чабана трагичен, так как заведенная Акбара похитила его маленького сына. И чтобы спасти его, Бостон был вынужден стрелять в волчицу, но убил не только ее, но и сына. После этого он отправился к Базарбаю, застрелил его и пошел в направлении Иссык-Куля, чтобы упокоить свою душу в его водах.

Монологическая интерпретация «Плахи» ориентируется только на выявление *оптимистической* идеи романа. Поскольку в нем ставится вечная проблема порочности людей, таких, как «гонцы» за анашой, как охотники, истребляющие сайгаков, как злобный и завистливый Базарбай, как подозрительный и циничный Понтий Пилат, то, критикуя порочных людей, писатель, конечно, противопоставляет им благородных персонажей – Иисуса, Бостона, Авдия и даже Акбару. Поэтому Гачев отмечает, что «у Айтматова контекст этический: человек призван к нравственному творчеству; спасение мира и ценностей человечества – через совесть, раскаяние, жертву» [3, с. 603]. Идея эта позитивная, потому что в ней выражена вера, что зло не все-сильно, пока находятся люди, которые, подобно Христу, стремятся спасти мир.

Диалогическая интерпретация сопоставляет структуры современных историй с легендарными сюжетами романа. Оптимистическая идея, в частности, определяется при сопоставлении историй романа с легендой о чудесном спасении Иисуса на Ниле, так как в ней утверждается, что Господь благоволит тем, кто творит добро. Поэтому молитва Богородицы спасла ее Сына. Когда современные истории сопоставляются с эпизодом о Понтии Пилате, то в романе обнаруживается *пессимистическая* идея: Иисус пришел к людям с добром, но они ему не поверили и распяли; Авдий погиб за свои проповеди добра; за свое доброе отношение к людям пострадала от них волчица Акбара; пострадал от злого человека и хороший человек чабан Бостон, потерявший сына. Сопоставление историй приводит к грустному выводу о том, что человека, несущего людям добро, никогда не понимают, подозревают в злом умысле и распинают. Идея эта была также замечена Гачевым: «А что, если существует на свете закономерность, согласно которой мир больше всего наказывает своих сынов за самые чистые идеи и побуждения духа?..» [3, с. 603]. Монологический

подход не позволил критику отметить диалогическое противопоставление идей романа, поэтому он сформулировал пессимистическую идею в виде риторического вопроса, чтобы, вероятно, не противоречить собственной оптимистической идее.

На самом деле диалогизм романа «Плаха» состоит в противопоставлении в *бинарной оппозиции* двух аспектов идейного конфликта, один из которых призывает творить добро, так как это богоугодное дело, а другой – отказаться от этого, так как добродетельные поступки люди не понимают. Оба аспекта *равноправны* в своем противопоставлении, потому что имеют как положительные, так и отрицательные аспекты: добродетель предполагает труд и даже жертвенность, отказ от добродетельности выгоден тем, что освобождает от всякого усилия.

В «Плахе» все истории излагаются, как и в предыдущем романе, *всезнающим* экзегетическим повествователем, поскольку он один в курсе всех событий, многие из которых представлены с точки зрения их участников. Следует отметить, что для манеры повествования Айтматова в целом свойственны постоянные, почти незаметные переходы от традиционного экзегетического повествования к *субъективным* точкам зрения. Поскольку речь идет в основном о субъективном мировосприятии добрых людей – Авдия, Бостона, а также волчицы, то *эксплицитный* всезнающий повествователь является выразителем оптимистической идеи романа. Конфликт идей, представленный в *объективном* иносказательном значении двух легенд о Христе, выражает *имплицитный* повествователь. Этот идейный конфликт позволяет выявить в современных историях диалогическое противопоставление оптимистической и пессимистической идей. Несмотря на завершенность сюжетов каждой из историй романа, его идейный конфликт остается *нерешенным*, предоставляя читателям возможность определить свое отношение к его решению.

Выводы. Анализ романов «Буранный полустанок» и «Плаха» Чингиза Айтматова показывает, что это диалогические произведения, в которых обсуждаются положительные и отрицательные аспекты идей, противопоставленных в бинарной оппозиции. Идейный конфликт выражен имплицитно двумя легендарными сюжетами и проецируется на современные сюжеты, изложенные эксплицитно, позволяя выявить диалогизм романа. Идейный конфликт в романах не решается, так как писатель предлагает читателям самим задуматься над его решением.

Перспективы. Данное исследование предлагает отказаться от *монологической* интерпретации диалогических двуплановых произведений как некорректной.

Список литературы

1. Айтматов, Чингиз. Буранный полустанок; Плаха // М.: Профиздат, 1989. – 608 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – Изд. 2. – М.: Сов. писатель, 1963. – 362 с.
3. Гачев Г. Д.Задумавшийся скиф. О Чингизе Айтматове и его романах // Чингиз Айтматов. Буранный полустанок. Плаха. – М.: Профиздат, 1989. – с.585-608.
4. Руднев В.А. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 2003. – с. 50-51.
5. Силин В.В. Имплицитный повествователь // Культура народов Причерноморья, № 37, 2003. – с. 289-296.
6. Шпенглер, Освальд. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. – Том 1. – Минск, ООО Поплури, 1998. – 688 с.

Силін В. В. Діалогічні романи Чингіза Айтматова «Бураний полустанок» і «Плаха» / **В. В. Силін** // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 238-246.

Романи Чингіза Айтматова «Бураний полустанок» і «Плаха» являються діалогічними. Конфлікт в них складається з двох рівноправних ідей, протиставлених в бінарній опозиції. Цей конфлікт виражено імпліцитно у двох легендарних сюжетах і проєцирується на сучасні сюжети роману, сприяючи інтерпретації його ідейного змісту. Конфлікт не розв'язується, автор пропонує читачам самостійно розв'язати його.

Ключеві слова: діалогізм, бінарна опозиція, всезнаючий, імпліцитний оповідач.

Sylin V.V. **Dialogical novels by Chingiz Aitmatov “Stormy station” and “The Scaffold” / V.V. Sylin** // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 238-246.

The novels by Chingiz Aitmatov “Stormy station” and “The Scaffold” are dialogical. Their conflict consists of two equal ideas opposed in binary opposition. This conflict is implicitly expressed by two legendary themes and applied on the novel’s contemporary themes helping interpretation of its ideological meaning. The conflict is not resolved, the author suggests to readers to resolve it by them-selves.

Key words: dialogism, binary opposition, omniscient, implicit narrator.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.